

ВЛАДИМИР
ПОСЕЛЯГИН

ДИТЁ

ДИТЁ
ДВОЙНОЙ УДАР
КНЯЗЬ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П61

Серия «БФ-коллекция»

Иллюстрации на обложке *Айрата Аслямова, Владимира Гусакова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Поселягин, Владимир Геннадьевич
П61 Дитё: Дитё. Двойной удар. Князь: сборник / Владимир Поселягин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 912 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-120599-7

Ты — бывший офицер спецназа ГРУ и у тебя отсутствуют ноги, потерянные во славу Отчизны.

И вот уснув в один из обычных дней в наше время, просыпаешься в детском теле, которое опознаётся как свое собственное? На улице 1982 год, а тебе пять лет.

И в полубреду УЖЕ рассказал, кто ты и откуда, не тому, кому надо, и началась охота разведок всех стран. Что же остается?

Так беги же, малыш, беги!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-120599-7

© Владимир Поселягин, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ДИТЁ

Автор за помощь в написании книги благодарит: *Сергея «Уксуса»; Сергея Павлова «Мозг»; Екатерину Корчагину; Кристин-Алису; и многих других, кто искренне помогал мне на форумах ЛитОстровка и СамИздата.*

От автора читателям:

Книга изначально планировалась как довольно серьезное чтение по альтернативной истории. Ее я старался писать в легком жанре, чтобы легко читалось, с юмором. Однако у автора, человека не очень серьезного и слегка веселого, книга быстро преобразилась в треш — мне просто надоело нудно описывать все преобразования при попадании в СССР. Поэтому сразу сообщаю — эта книга НЕ альтернативная история, а фантастико-приключенческий боевик с элементами альтистории. Так и читайте ее.

Пролог

Больно, как же больно. Боль протекала по всему телу огнем. От неожиданной вспышки адской боли в груди Артур невольно застонал. Сквозь шум в голове было слышно чей-то успокаивающий женский голос:

— Все хорошо, Артурчик, все хорошо. Сейчас доктор придет и сделает укольчик. И все пройдет, потерпи немножко, — и тут же кому-то: — Константин Сергеевич, он только что стонал от боли.

Со стороны ног послышался молодой мужской голос:

— Хоть стонет, а то два дня под капельницей пластом лежал.

Артур с трудом приоткрыл глаза. Сквозь застилавшие их слезы разглядел стоящих рядом женщину в белом медицинском халате и молодого парня лет двадцати пяти, тоже в белом халате. Похоже, что движение век медики заметили, поэтому склонились к нему:

— О, очнулся малыш?

Артур непроизвольно поморщился. Так обращаться к человеку, который старше тебя, — это неуважение к нему. Он всегда считал, что надо выказывать уважение прожитым годам. Даже к своему соседу, который старше его всего на одиннадцать лет, он обращался по имени-отчеству. Поэтому, с трудом различая свой голос сквозь шум в голове, с трудом шевеля сухим языком, ответил:

— Мой малыш у тебя во рту не поместится, сынок. Разговаривая с человеком старше тебя, надо оказывать ему уважение. Называть хотя бы по имени-отчеству.

Эта отповедь у Артура отняла немало сил. На лицах стоящих медиков отразилась целая гамма чувств, от изумления до гнева. Врач остановил движением руки открывшую было рот возмущенную женщину. Положив больному руку на лоб, спросил, глядя ему прямо в глаза:

— Ты помнишь, кто ты? Как звать? Расскажи. Чувствуя, что вот-вот вырубится, Артур ответил:

— Я Александров Артур Кириллович, тысяча девятьсот семьдесят шестого года рождения. Мне тридцать пять лет, — и, глядя презрительно на доктора, добавил: — Майор ГРУ в отставке. Ветеран второй Чеченской войны. Все. Хватит с вас.

Доктор насмешливо улыбнулся:

— Ну и как там, в будущем? СССР всех впереди? Настала очередь Артура изумиться:

— Какой, на хрен, СССР?! Он же развалился в девяносто первом?!

Артур с удивлением смотрел на лица ошарашенных медиков. Врач встал и обменялся с женщиной странными взглядами. Что-то было не так. Вдруг он понял, что чувствует конечности. С трудом приподняв под взглядами врачей правую руку, посмотрел на нее. Это была пухлая, исцарапанная рука ребенка, от неожиданности у Артура закружилась голова, и все померкло перед глазами, после чего он провалился в спасительную темноту...

* * *

... — И все-таки мне бы хотелось, чтобы Артур задержался у нас подольше, — говорил врач-педиатр родителям мальчика.

Разговор происходил на следующий день после того, как ребенок очнулся. Родители мальчика переживали, не отразится ли на ребенке происшедшее, нормальным ли будет он. Врач повернулся к отцу Артура:

— Кирилл Андреевич, расскажите снова, как это произошло. Только подробно, по секундам.

Поведя здоровенными плечами, тот начал рассказ:

— Да что там говорить? Пришел я за ним в садик, сказал воспитательнице, чтобы позвала сына. Где-то через две минуты прибежал Артур. Я посадил его на скамейку и начал надевать ему на ноги ботинки. Но Артур внезапно сказал, что забыл любимую игрушку, скинув обувь, побежал в игровой зал. И через секунду я услышал крик Елены Викторовны, воспитательницы Артура. Когда я забежал в зал, увидел лежащего на полу сына. У него шла кровь из ушей. Воспитательница дала мне аптечку и начала звонить в скорую, а я перевязал его и вынес на улицу. Скорая быстро приехала. Привезли в больницу, Артура сразу на каталку, а меня выставили в коридор, вроде все.

Мать мальчишки после рассказа мужа вытерла слезы платком и уткнулась лицом в плечо мужа. Александров повернулся к врачу, задумчиво наблюдающему за ними:

— Понимаете, Артур — наш поздний ребенок. Родился четвертым и стал любимчиком в семье, поэтому несколько избалован. Все за него переживают. Все-таки скажите, что с ним?

Врач печально вздохнул и отвел взгляд:

— Улучшений нет. Артур продолжает оставаться в коме. Вчера были судороги, после — остановка сердца. Мы еле успели откачать его. Боюсь, у Артура шансов нет.

Крепко прижав зарывавшую жену к груди, Кирилл Андреевич с тоской смотрел на доктора. Тот, подняв трубку внутреннего телефона и продолжая отводить глаза, набрал номер дежурной медсестры:

— Алло! Светлана Аркадьевна, пожалуйста, срочно принесите успокоительного ко мне в кабинет, — положив трубку, врач сказал: — Есть детская городская клиническая больница номер тринадцать, имени Филатова. Она находится в Москве. И, возможно, там что-нибудь смогут сделать. Мы бессильны. Извините.

Постучав, в кабинет зашла медсестра, сделала матери ребенка укол и вышла.

Объяснив родителям ребенка, что они не могут сопровождать его в Москву и что этим займётся специально обученный медперсонал, доктор распрощался с Александровыми. Устало откинувшись на спинку роскошного кожаного кресла, врач-педиатр, заместитель главврача детской больницы Кокренев Константин Сергеевич прикрыл глаза и посидел несколько минут. Отдых нарушил внезапно зазвонивший городской телефон. Встряхнувшись, врач снял трубку:

— У аппарата!

Голос на той стороне провода был хорошо знаком. Он принадлежал родному брату, служащему в Комитете государственной безопасности СССР в звании капитана.

— Привет, Кость. Как все прошло? Они поверили?

— Да, похоже, что да, поверили. В трубке раздался смешок:

— Это хорошо. Ладно, сейчас о другом, через час подойдет два наших сотрудника. Проверишь их документы, я тебе потом сообщу их данные. Они при тебе должны связаться со мной. Так

надо, Костя, так надо. Проведешь их к палате, но внутрь не пускаешь. Они должны охранять палату снаружи, в коридоре. Понял?

— Да понял я, понял! Стас, неужели все так серьезно? Я же в шутку рассказал тебе!

— Серьезней некуда, Кость. Хорошо, что ты связался со мной перед совещанием с начальством. Я должен был делать доклад первому заместителю председателя, генерал-полковнику Чебрикову. И ты связался как раз вовремя. Генерал хоть и не поверил во вселение, но заинтересовался этим ребенком. Все-таки такое происходит впервые. Это шанс, понимаешь?

— Стас, а вдруг я ошибся? Ты представляешь, каких трудов мне стоило уговорить его мать оставить ребенка одного и отправить ее домой?

— Ничего, подождут, не до них пока.

— Вдруг мне показалось?

— Тебе и медсестре показалось? Несмешно. Ты же по основной специальности кто? Детский психиатр. И различить, где ребенок фантазирует, можешь. Так что не комплексуй.

— Да, что-то меня... А, ладно. Как думаешь, он не сбежит?

— Кстати, как он?

— Нормально, встал, походил по палате туда-сюда, движения и рефлексy в норме, хотя нет... слегка заторможенные. Поел хорошо, все съел с аппетитом. Только вот...

— Что?

— Понимаешь, взгляд у него недетский, пронизывающий. Смотрит, как рентген, как будто насквозь. У меня от его взгляда мурашки по коже. Еще медсестра-практикантка на него жаловалась. Говорит, что он ее взглядом раздевал, а когда нагнулась поправить одеяло, демонстративно стал разглядывать ее груди. Хотя надо сказать, что с бюстом у нее все в порядке. Еще когда уходила, он ее по попке шлепнул и подмигнул.

В трубке снова рассмеялись:

— Однако, какой он Казанова! Ты поставил кого-нибудь присматривать за палатой?

— Да, там прямо у двери стол дежурной медсестры находится. Я велел его не выпускать.

— Меня гложут смутные подозрения. Если он майор ГРУ, то твоя медичка ему не помеха. Черт, сходи проверь, ладно?

— Хорошо, сейчас проверю.

— Перезвонить не забудь.

— Ладно. Давай, пока, — однако трубку врач положить не успел. Без стука в кабинет ворвалась дежурная медсестра и закричала:

— Его нет, он пропал!

— Кто пропал? Да скажите вы толком, Светлана Аркадьевна!

— Мальчик из сорок седьмой. Артур пропал!

В трубке послышался отборный мат.

— Костя, Костя, дай ей трубку! — было слышно, как надрылся Стас в динамике.

Ошарашенный доктор поднял трубку и спросил:

— Что? Извини, не расслышал.

— Дай ей трубку!

Константин протянул трубку медсестре:

— Возьмите. С вами хочет поговорить мой брат. Подойдя, медсестра взяла протянутую трубку.

— Здравствуйте. С вами говорит капитан КГБ Кокренев. То, что вы сейчас скажете, вы повторите нашим сотрудникам, которые скоро подойдут. А пока расскажите мне все подробно. Как это произошло?

— Здравствуйте, я, товарищ капитан, относила обед лежащим больным. К ним относится и мальчик из сорок седьмой палаты. Когда я открыла палату и внесла поднос с обедом, то увидела, что кровать пуста. Я думала, что ребенок играет в прятки, и минуты две искала его по палате. Его нигде не было. Только окно было не закрыто на шпингалеты, а просто прикрыто. Еще пропала простыня. Как только я поняла, что ребенок пропал, сразу же побежала к Константину Сергеевичу. Но он же не мог сбежать в окно? Третий этаж все-таки?

— За палатой никто не наблюдал?

— Я попросила санитарку, она сказала, что никуда не отлучалась!

— Хорошо, я все понял. Спасибо, вы действительно все подробно рассказали. А теперь верните трубку моему брату.

Медсестра передала трубку телефона врачу и по его знаку покинула кабинет.

— Да, Кость, он нас сделал.

— Вы его найдете?

— Если бы он был простым обывателем, то да, не сразу, но нашли бы. Но он же не идиот, а профессионал, глупости делать не будет. Ладно, я на доклад к начальству...

Положив трубку, Константин задумался. Ему хотелось что-то предпринять, но что? Так ничего и не придумав, он запер кабинет и направился к сорок седьмой палате. Зайдя в открытую палату, врач осмотрелся. Действительно, простыни не было. Подойдя к полуоткрытому окну, распахнул его и высунулся наружу.

— Ну и как он спустился? Третий этаж все-таки.

Пожав плечами, доктор закрыл дверь и строго-настрого запретил медсестре открывать ее. Вернувшись в кабинет, сел в кресло и, достав из тумбочки стола початую бутылку коньяка, отмерил ровно пятьдесят грамм. Выпив, потер виски. Ночное дежурство давало о себе знать. Прикрыв глаза, Константин почти уже задремал, когда раздался резкий стук в дверь и, не дожидаясь ответа, в кабинет вошли два человека в штатском. Один высокий и широкий в кости брюнет, второй невысокий и рыжий. Их принадлежность к органам была отчетливо видна.

— Мы пришли по приказу сверху. Вы должны быть в курсе, — заговорил высокий.

— Да-да. Конечно. А-а-а?.. — Оба синхронно достали документы и, раскрыв их, показали врачу, не давая в руки.

— Капитан Корнилов. — Встав и перегнувшись через стол, Константин посмотрел удостоверение высокого.

— Лейтенант Кошкин. — Удостоверение второго было явно новеньким.

Когда офицеры убрали документы, старший заявил, что ему нужно позвонить, и быстро набрал номер. Поговорив с кем-то несколько секунд, он передал трубку Константину.

— Алло?

— Костя, это я, все в порядке, они те, кто должен был подойти. Передай трубку старшему.

Выполнив требуемое, Константин, не обращая внимания на кагэбэшников, спокойно налил себе второй стакан, выпил, откинулся в кресле и прикрыл веки.

Из дремоты доктора вывел голос капитана:

— ...так точно, товарищ полковник, сделаем. — Положив трубку, старший кагэбэшник достал платок из нагрудного кармана и вытер пот со лба. Посмотрев на напарника, он сказал:

— Приказ из Москвы. Найти ребенка во что бы то ни стало, — затем повернулся к Константину и, поставив кулаки на стол, потребовал: — Рассказывайте. ВСЕ!

Выйдя на крыльцо больницы, оперативники закурили, чисто механически посматривая по сторонам. Наконец, в очередной раз стряхнув пепел, Корнилов вздохнул:

— Да, ушел он чисто. Никто ничего не видел, не слышал. Ты под окном все внимательно осмотрел? — повернулся он к напарнику. — Точно никаких следов?

— Никаких, Сергей Викторович. Чисто все. Я опросил всех, кто гулял около больницы. Никто, ничего. Ребенка не видели.

Тут их отвлекла маленькая пухленькая симпатичная девочка в синеньком платьице, стриженная под мальчика, с огромным белым бантом. Она подошла и, вытирая рукой полные слез глаза, с надеждой спросила:

— Дяденьки, вы мою маму не видели? Потерялась я. Капитан, присев, ласково сказал:

— Маму мы не видели. Давай поищем ее, — затем, взяв девочку за руку, повернулся к напарнику: — Сходи в регистратуру, скажи, что тут ребенок потерялся. Пусть заберут, с ними посидит. Нам некогда.

Когда лейтенант скрылся за дверями больницы, Корнилов стал спрашивать у девочки, как ее зовут.

— Я не помню-ю-ю, — плаксиво заныла та.

— Ты помнишь, как тебя мама звала? Девочка, вытирая нос, кивнула.

— Давай, я буду говорить имена, и ты вспомнишь свое?

Девочка усиленно закивала.

— Маша? Даша? Катя? Оля?.. — перечислив несколько имен, капитан сдался.

Девочка стояла рядом, ковыряла в носу и ждала, глядя на оперативника.

— Давай, я буду говорить буквы, и ты скажешь, на какую начинается твое имя, согласна?

В это время вышел напарник в сопровождении пожилой женщины в халате.

— Вот, Сергей Викторович, санитарка посидит с девочкой, пока не найдут ее мать.

Женщина ласково сказала:

— Пойдем со мной, чай с конфетами попьем и маму твою найдем. Меня баба Валя зовут.

Девочка оживилась:

— Конфетки, хочу конфетки!

Санитарка, взяв ее за руку, повела в больницу.

— Убивал бы таких матерей, — сказал капитан, глядя вслед ушедшим. И, повернувшись к лейтенанту, добавил: — У меня самого такая же дочка.

Лейтенант промолчал, у него детей не было.

— Эх! — махнул капитан рукой. — Ладно, нужно опросить всех еще раз. Начни с того дома, его окна выходят как раз на больницу. А я еще раз пройду по гуляющим больным. Все, расходимся.

Очнулся я как-то сразу. Даже не очнулся, просто проснулся. В теле чувствовалась непривычная легкость. Одновременно почему-то болели все мышцы. Зевнув и со скулежом потянувшись, с закрытыми глазами вскинул странно легко взлетевшие руки вверх. Чтобы ухватиться за прикрученные скобы и, несколько десятков раз подтянувшись, закинуть себя в инвалидное кресло, стоящее рядом с кроватью.

Руки ухватили пустоту — скоб не было. Широко открыв глаза, я смотрел на детские ладошки перед собой:

— Что за?.. — скинув с себя одеяло, с отвисшей челюстью разглядывал тело, в которое попал. То, что попал, теперь не сомневался.

Это было тело мальчика лет пяти-шести. И самое главное, у него были НОГИ. Причем ОБЕ НОГИ. С трудом двигая руками и ногами, сполз на пол. Такое впечатление, как будто все мышцы заоченели. Перед глазами замелькали звездочки, и я понял, что не дышу уже довольно долго.

Ноги подчинялись плохо, как чужие. Пришлось долго ходить вдоль кровати, держась за неё, прежде чем я наконец решился оторваться от дополнительной опоры. Наконец, отпустив кровать, храбро сделал несколько шагов без подпорки. Голова немного кружилась, и сердце готово было вот-вот выскочить из груди, но я шел. Покачиваясь из стороны в сторону, но шел. И только сейчас, внимательно осмотрев палату, в которой находился, определил, что она двухместная. Но вторая кровать стояла без белья. Значит, соседа нет, отлично.

Плохо побеленный потолок, окрашенные в непонятный цвет стены с грубо нарисованными солнышком, лисичками и зайчиками, деревянная дверь с закрашенным краской стеклом, корявые окна со следами бумажной ленты и клочками ваты в щелях. Черные круглые выключатели и розетки на стенах, тумбочка с пере-

кошенной дверцей, на которой намалеван корявый коричневый медвежонок, — все это ввело меня в недоумение. Где я?

Двигаться было тяжело из-за болевших мышц. Но все-таки дошел до зеркала, висящего несколько высоковато, хотя мне хватило. Подойдя, уставился на самого себя, только помолодевшего на тридцать лет. Передо мной стоял я сам с детских фотографий.

Несколько минут кривляния удовлетворения не принесли. Даже свирепое лицо, от которого в одной операции во время допроса обделался пленный боевик, в исполнении нынешнего тела превратилось во всего лишь забавно оскалившуюся рожицу, в глазах которой прыгали весёлые бесенята.

Махнув рукой на двойника, отошел в сторону и спустил трусики. Да, это точно был я. Во-первых, мой парень, хоть и маленький, но точно мой. Во-вторых, родинка справа от паха в форме копеечной монеты. В-третьих, повернув ногу, посмотрел на правую икру — шрама не было. Шрам в виде звёздочки я получил в шестилетнем возрасте, летом, играя в индейцев, — мне засадили стрелу в ногу. Какой вывод? Мне меньше шести лет. Осталось выяснить, где я.

Крепко сжав зубы и стараясь экономно двигаться, донес крашенную в белый цвет табуретку до окна, взобрался на подоконник и, откинув штору, выглянул на улицу. Это был не современный, знакомый мне город, а город времен СССР. Объяснялось это одним только видом проезжей части, находящейся между больницей и девятиэтажным домом. Новенькая «тройка», «копейки», «Волга» и ЗИЛ-130, проехавшие перед больницей. Но не это повергло меня в изумление, а плакат на соседнем с больницей доме с изображением Брежнева и надписью: «Советские люди знают: там, где партия, — там успех, там победа!»

Покачав головой, я задумался. Назвать этот перенос счастливым — значит ничего не сказать. Несмотря на уже привычную боль в мышцах, мне хотелось плясать и петь от счастья. В крови просто бурлила энергия.

Ушатом холодной воды стало воспоминание, как я в первый раз очнулся в своем детском теле. Выражение физиономии врача заставило задуматься. Размышляя, отнес табуретку обратно под стол. Встав посередине комнаты и продолжая обдумывать свое положение, начал делать легкий разминочный комплекс. Такое впечатление, как будто в суставы насыпали песку. Мышцы встре-